

Слова прозвучали негромко, но отчетливо. Впрочем, Ван Кайсюань не услышал и половины — он корчился на полу, истошно воя и начисто потеряв человеческий облик.

Да и какой тут облик, когда тебе на спину выплескивают крутой кипяток? Кайсюаню казалось, что мясо на его лопатках заживо варится. Он катался по полу, визжал от боли, а когда в беспамятстве замахнулся руками, в ладони и предплечья вонзились рассыпанные канцелярские кнопки. В этот миг он был уверен, что умирает.

— Скорую! Быстро звоните в скорую! Кайсюань... Молодой господин Ван, держитесь, умоляю!
— классная руководительница в панике набирала экстренную службу, от ужаса на её глаза навернулись слёзы. — Господин Ван!

Видя, что дело принимает скверный оборот, ученики бросились врассыпную. В суматохе Гун Цзе схватила Ли Чжи за руку и потащила к выходу.

— Не глупи, Ли Чжи, уходим!

— Но Чу Минчжан...

— Нашёл о ком переживать! — фыркнула Гун Цзе. — Слышал поговорку? Большая рыба ест мелкую, мелкая — креветок, а креветки копошатся в иле. Так вот, ты тут самый донный ил, а Чу Минчжан — огромная акула. Ещё увидишь: отцу Ван Кайсюаня самому придётся пресмыкаться перед его родителями и умолять о прощении.

Ли Чжи ошеломлённо покачал головой.

«Какая дикость, — подумал он. — До чего же уродлив этот их высший свет».

— Вот именно, — бросила Гун Цзе, словно прочитав его мысли. — Шевелись. Не то папаша Ван Кайсюаня, пресмыкаясь перед председателем Чу и господином Сюем, отыграется на тебе. Будет строить из себя невесть кого. Ну же, пошли!

Её громкий окрик наконец вырвал Ли Чжи из оцепенения. Словно очнувшись от кошмара, он послушно заковылял за ней, и они вместе выбежали из здания школы.

После такого скандала о репетиции пришлось забыть. Гун Цзе обеспокоенно заглянула ему в лицо:

— Личжи, ты как? Всё в порядке? Нога сильно ноет? Может, вернёмся в медпункт...

Вообще-то, перед тем как пойти на разборки с Ван Кайсюанем, Ли Чжи уже заходил к школьному врачу, так что он просто покачал головой:

— Всё хорошо.

— Ладно... Ты сам-то дойдёшь? Давай я хоть до общежития тебя провожу?

— Не надо, — мягко перебил её Ли Чжи и тихо повторил: — Спасибо, не надо...

Гун Цзе настаивать не стала. Она лишь молча смотрела ему вслед, пока он, заметно прихрамывая, удалялся по дорожке.

Ли Чжи прошёл мимо своего общежития, так и не зайдя внутрь. Он стоял под бескрайним небом, но чувствовал себя запертым в тесной клетке. Какая-то невидимая, удушающая тяжесть навалилась на плечи, заставляя согнуться.

Он долго и тупо смотрел на массивные школьные ворота. Сколько он так простоял — бог весть. Но вдруг резко развернулся и, наплевав на режущую боль в израненных ступнях, изо всех сил бросился к выходу с территории.

Был понедельник, и по правилам дежурные ни за что не выпустили бы ученика наружу. Однако сейчас в школе творился такой хаос, что до одинокого подростка, скользнувшего мимо будки охраны, никому не было дела.

Он бежал без оглядки, пока ноги окончательно не отказались служить, отозвавшись запоздалой, невыносимой болью. Ли Чжи остановился, согнулся пополам и тяжело задышал, зажав ладонями бок. Еле отдышавшись, он медленно выпрямился.

На город опускались сумерки. Вокруг высились глухие стены небоскрёбов, и от этого зрелища на юношу накатила глухая, беспросветная растерянность.

Это чувство было ему слишком знакомо — точно так же он растерялся, когда Ван Сяочунь впервые привела его в дом семьи Чжоу. Ли Чжи медленно опустился на корточки, дрожащими пальцами достал телефон и набрал номер матери. Ожидаемо... никто не ответил.

Ли Чжи плохо помнил, как добрался до дома — хотя эту роскошную виллу язык не поворачивался назвать домом. Не обращая внимания на недоумённый взгляд дворецкого, он быстро прошёл к внутреннему лифту. Двери сомкнулись, и только тогда, в тесной кабине, он позволил себе наконец перевести дух.

Ван Сяочунь вернулась только в начале второго ночи. Ли Чжи к тому времени уже спал, но сквозь сон почувствовал, как чья-то ледяная рука бесцеремонно выдергивает его из-под тёплого одеяла. В ту же секунду с резким щелчком вспыхнул верхний свет. От внезапной яркой

вспышки глаза обожгло, на ресницах выступили слёзы. Когда пелена перед взором рассеялась, он разглядел безупречное, холёное лицо матери.

— Что ты опять устроил? — Ван Сяочунь сердито нахмурилась, нападая первой. — Дворецкий сказал, ты явился посреди дня. Какого чёрта ты торчишь здесь, вместо того чтобы сидеть в школе?

От неё разило гремучей смесью дорогого парфюма и крепкого алкоголя. Ли Чжи инстинктивно отвернулся, пытаясь спастись от этого удушливого, бьющего в голову запаха.

Сегодня Чжоу Госюн впервые взял её с собой на деловой банкет, и Сяочунь изрядно выпила. Она толком не успела перевести дух после приёма, как пришлось сразу мчаться к сыну. Усталость мешалась с раздражением, а молчание Ли Чжи лишь подливало масла в огонь.

Длинные пальцы с ярко-красным маникюром больно впились в худой подбородок Ли Чжи, силой заставляя его смотреть прямо перед собой.

— Отвечай! Язык проглотил? — процедила Ван Сяочунь. — Зачем ты сбежал из школы? Чего ты добиваешься, а? Ну же, говори!

— Я хочу бросить учёбу! — выкрикнул Ли Чжи, мёртвой хваткой вцепившись в её запястье. Каждое слово матери кололо сердце, вырезая в груди огромную, зияющую рану. Вся обида, злость и отчаяние, копившиеся в нём неделями, наконец прорвались наружу. — Хочу забрать документы! Хочу умереть! Слышишь? Я хочу сдохнуть!

Ли Чжи почувствовал, как пальцы на его подбородке дрогнули и замерли. В эту секунду он испытал почти мстительное облегчение. Сделав глубокий вдох, юноша слабо, безумно улыбнулся и прошептал:

— Я хочу умереть.

Ледяная ладонь наконец разжалась — лишь для того, чтобы взлететь вверх. Сначала раздался свист рассекаемого воздуха, а следом — оглушительный удар. Лицо обожгло нестерпимой болью, в глазах заплескали искры. Не успел он прийти в себя, как голову пронзила новая вспышка боли: Ван Сяочунь мёртвой хваткой вцепилась ему в волосы.

Она с силой рванула его на себя. Ли Чжи откинуло назад, и перед самым его лицом оказалось красивое, искажённое яростью лицо матери. Он видел её густо накрашенные ресницы, налитые кровью белки глаз и собственное испуганное отражение в её тёмных зрачках.

Две пары абсолютно одинаковых глаз смотрели друг на друга. Одно лицо источало деспотичную ярость, другое — трусливую покорность. В одном взгляде горело безумие, во втором — плескался чистый страх.

Ли Чжи первым отвёл взгляд — он не мог выносить этот режущий, как бритва, взор, но мать упрямо держала его за волосы. На глаза парня снова навернулись слёзы. Они покатались по щекам, солоно обжигая искусанные, дрожащие губы.

— Мама... — прошептал он, тщетно надеясь вымолить хотя бы каплю тепла. — Мамочка...

— Не смей называть меня матерью! Я тебе не мать! — задыхаясь от ярости, выкрикнула Ван Сяочунь. — Что ты там вякнул? Сдохнуть хочешь? Так иди и сдохни! Ничтожество неблагодарное... Учиться он больше не желает! Да ты хоть представляешь, через что мне пришлось пройти, чтобы запихать тебя в эту элитную школу?! Ты хоть знаешь, как тяжело мне всё это далось?!

Из её груди вырвался хриплый, переходящий на визг стон. Рыдания безумной женщины смешались с тихим плачем подростка, обнажая всю уродливую изнанку их семейного ада.

Ли Чжи, стиснув зубы, из последних сил разжал её пальцы и оттолкнул руку. Под потрясённым взглядом матери он рывком скинул одеяло.

Сорвав наспех наложенную повязку, он обнажил израненную ступню. Алое пятно на испачканном бинте резко полоснуло Ван Сяочунь по глазам.

— Я не хочу туда возвращаться. Правда, не хочу... — взмолился Ли Чжи. — Не заставляй меня, мама... Пожалуйста, не надо...

Ван Сяочунь застыла, её зрачки испуганно расширились и задрожали. Она крепко сжала губы. В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тихими всхлипами её сына.

Мать сделала пару неверных шагов вперёд. Ноги её заметно дрожали — то ли от долгого напряжения, то ли от внезапно накатившей слабости.

— Откуда это? — негромко спросила она.

Ли Чжи продолжал плакать.

— Да перестань ты реветь, — Ван Сяочунь отвела взгляд и неловко, как-то деревянно протянула руку к его лицу.

Подросток испуганно сжался, ожидая очередного удара, но вместо пощёчины холодные пальцы мягко коснулись его щеки, стирая дорожки слёз.

— Сяо Чжи, — её голос прозвучал на удивление тихо. Она почти никогда не называла его так.
— Не плачь.

Моргнув, Ли Чжи порывисто перехватил её ладонь, словно пытаясь удержать эту редкую, мимолётную ласку. Он заговорил быстро-быстро, боясь, что она вот-вот передумает:

— Мам, я правда больше не могу там учиться...

Ван Сяочунь промолчала. Она чуть приподняла голову, скрывая лицо в полумраке, так что сын не мог разобрать выражение её глаз.

Она снова коснулась его щеки. Спустя долгие минуты томительного молчания она выдавила:

— Отдохни пока несколько дней.

Она убрала руку и добавила:

— Не забивай себе голову. Ложись спать. Сильно болит?

— Нет, — растерянно моргнул Ли Чжи и поспешно замотал головой. — Правда, почти не больно.

Сяочунь пристально посмотрела на него, кивнула и резким, суебливым движением выключила свет. В этой поспешности сквозило что-то пугающее.

— Спи.

Ли Чжи остался один в темноте. Лишь когда в коридоре тихо щёлкнул замок закрывшейся двери, он наконец забрался под одеяло и свернулся калачиком. Сердце бешено колотилось в груди.

Он осторожно приложил ладонь к лицу. Кожа на щеке горела от пощёчины, но в то же время хранила ледяной след материнской ласки. Боль и нежность смешались в одном месте, и он уже не мог отличить одно от другого.

В ту ночь он впервые за долгое время заснул безмятежным, глубоким сном.

Ли Чжи остался дома ещё на неделю. Когда наступила пятница, с занятий вернулся Чжоу Баюй. Почему-то его взгляд, брошенный на сводного брата, показался Ли Чжи странным.

Проходя мимо в коридоре, Баюй негромко бросил:

— Ну всё, в этот раз тебе точно крышка.

Ли Чжи пропустил целую неделю. Ван Кайсюань, к слову, тоже отсутствовал все эти дни — об этом Ли Чжи узнал из сообщений Гун Цзе. Нашла коса на камень: Кайсюаня облили крутым кипятком, а виновник отделался лишь дежурным извинением сквозь зубы.

Чу Минчжан никогда не слыл забиякой, и это был первый случай, когда он ввязался в школьный конфликт. Его родители, люди благородные, искренне сожалели о случившемся и предложили щедрую компенсацию. Вот только взять её у семьи Чу чета Ван просто не посмела бы.

Ван Кайсюань был у родителей единственным, зацелованным до дыр наследником. Окажись на месте Минчжана кто-то другой, его родные живьём бы содрали с обидчика кожу. Но против авторитета семьи Чу они были бессильны. Как бы ни кипели от злости старшие Ван, им оставалось лишь молча глотать обиду, стиснув зубы от бессилия.

К счастью для всех, Ван Кайсюань успел вовремя увернуться. Шуму поднялось много, но парень отделался лишь ожогами первой степени. Полежав несколько дней в больнице под наблюдением врачей, он отправился зализывать раны домой. Пришлось, конечно, немного помучиться с мазями, но ничего непоправимого не случилось.

«Туда ему и дорога, карма в действии! Кстати, Личжи, ты когда вернёшься?»

«Без тебя тут смертная тоска!»

Ли Чжи задумчиво посмотрел на экран. Его пальцы зависли над клавиатурой, но спустя минуту он всё же набрал короткий ответ:

«Скоро. Вернусь на следующей неделе».

— В понедельник возвращайся к занятиям, — вспомнил он слова Ван Сяочунь, сказанные вчера вечером.

Она вошла к нему в спальню с тарелкой аккуратно нарезанных фруктов. С некоторых пор эта ваза со свежими плодами стала безмолвным символом её извинений.

Опустившись на диван, Сяочунь тихо добавила:

— Больше тебя никто не тронет.

Ли Чжи отложил книгу и молча повернулся к ней. Материнский взгляд был тёплым и прямым.

— Нельзя же прятаться вечно, верно? — спросила она. — Ты и вправду решил бросить учёбу, Сяо Чжи?

Голос её звучал мягко, почти убаюкивающе. Сегодня Ван Сяочунь была без макияжа. Простые, гладко причёсанные тёмные волосы оттеняли бледное лицо, лишая её привычной хищной притягательности и делая образ удивительно нежным, домашним. В её глазах сквозила такая искренняя забота, что сейчас она казалась идеальной, любящей матерью.

— Возвращайся, — попросила она. — Мама уже обо всём договорилась, со всем разобралась. Ты ведь у меня умница. Ты же не расстроишь маму? Сделай это ради меня.

И Ли Чжи сдался. У него просто не оставалось выбора.

Да и когда он у него вообще был?

<http://bllate.org/book/20441/2122503>